

Этюды Бориса Березовского

В Концертном зале имени Чайковского выступил Борис Березовский (фортепиано, Лондон). Virtuозная программа выпускника Московской консерватории (класс Элисо Вирсаладзе), увенчанного лаврами победителя IX Международного конкурса имени Чайковского (1990) была дана в пользу самого раннего из воспитавших его заведений — Гнесинской школы-десятилетки.

Визит бывшего гнесинца Бориса Березовского с Шопеном (Второе, Третье скерцо плюс Пять мазурок ор. 20) и Листом («Трансцендентные этюды» плюс два вальса) — первое солидное мероприятие, на которое пошла Московская филармония. Интерес к пианисту жидется на удачной западной карьере, моментально осуществленной господином Березовским в качестве победителя Конкурса имени Чайковского 1990 года.

Сразу же после первой премии и золотой медали новоиспеченный лауреат переехал в Лондон. С тех пор он реже прочих коллег по «чемпионату Чайковского» навещает Москву и по-западному (то есть не выходя из сверхпопулярного мейнстрима в пределы современного репертуара) борется с клише виртуозного пианизма. За это в 1993 году господина Березовского отметили премией «за лучшую запись Равеля», а в 1998-м в Мюнхене назвали артистом года.

Обожаемый эмигрантскими кругами за аристократическую

склонность к вербализации музыки, он ловко управляет слушательскими эмоциями. Вот интеллигентнейшее пианиссимо. Вот импрессионистской лепки гипсовые скерцо, майоликовые мазурки, прозрачно-стеклянные вальсы Листа («Забывтый» и «Мефисто»). Вместе взятые, они складываются в эссе, с подразумеваемой жанром невняtnостью целей, неточностью деталей и гипертрофированной субъективности отношением к материалу. Модный на Западе аутентизм с реконструируемой самоценностью салонной (у Шопена) или концертной (у Листа) виртуозности тут явно отсутствует. Лексикон Березовского — это бездумные темпы, но и мягкий, красивый звук. Почти сверхъестественная линейная техника правой руки и грязноватая аккордовая фактура (наделавшая Березовскому много зла в «Трансцендентных этюдах»).

Обыкновенность московской программы пианиста (ну кто сейчас не играет Шопена и Листа?) на поверку оказалась чисто внешней. Ходовые романтические миниатюры он трансформировал в фортепианное исследование. Что ни вещь — то либо раздумье, либо печальный диалог зыбких образов-персонажей. Беда в том, что это никак не прояснило стиля Березовского — стиля, намешанного из эстетского горювцевского piano и помпезной советской листианы. Впрочем, неясность намерений — тоже намерение. Своего рода этюд.

ВЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ

Коммерсантъ. - 2000. - 11 окт. - с. 13